

- ²¹ РЦХИДНИ. Оп. 87. Д. 200 а.
²² Там же. Оп. 84. Д. 858.
²³ Там же. Оп. 87. Д. 199.
²⁴ Там же. Прил. 2.
²⁵ Там же. Оп. 16. Д. 175. Л. 169.
²⁶ Там же. Д. 553. Л. 199.
²⁷ Там же. Оп. 87. Д. 200 а.
²⁸ Там же.
²⁹ Там же. Д. 199. Прил. 2.
³⁰ Там же. Оп. 84. Д. 916.
³¹ Там же. Д. 910.
³² Там же. Оп. 16. Д. 1377. Л. 11.
³³ Там же. Оп. 84. Д. 916.
³⁴ Там же. Оп. 16. Д. 1377. Л. 33.
³⁵ Там же. Д. 125. Л. 50.
³⁶ Там же. Оп. 67. Д. 365. Л. 6.

С. И. Быкова

Феномен Сталина: эволюция образа лидера в представлениях советских людей в 1930-е гг.

Весьма значимой составляющей в образе И. Сталина являлось признание его наследником В. И. Ленина. Эта идея, получившая широкое распространение благодаря официальной пропаганде, имела огромное значение для расширения социальной поддержки и повышения авторитета И. Сталина. Особенно активное использование этого мифа характерно для первой половины 1930-х гг.: в газетах, партийных документах и обращениях подчеркивалась преемственность политики В. И. Ленина новым лидером советского государства. Например, на XVI съезде ВКП(б) Г. К. Орджоникидзе, как и многие другие депутаты, в своей речи говорил о Сталине как «лучшем ученике Владимира Ильича»¹. Типичным примером можно считать приветственную телеграмму делегатов X Уральской областной партийной конференции (1930), направленную «самому стойкому, последовательному ученику Ленина»: «Большевики Урала знают и понимают твою исключительную роль в борьбе со всякими оппортунистическими извращениями марк-

© С. И. Быкова, 2002

систско-ленинского учения; мы знаем, что, стоя на страже железного единства действий и сплоченности, ты твердо и неуклонно продолжаешь заветы Ильича, решительно ведешь нашу партию и рабочий класс к победе социализма»². В начале 1930-х гг. И. Сталин стремился сам подчеркивать эту преемственность. Так, в интервью Э. Людвигу он утверждал: «Я только ученик Ленина, и цель моей жизни – быть достойным его учеником»³.

Преемственность власти И. Сталиным от В. И. Ленина была отражена и в фольклоре:

С неба звездочка упала
В колосистые поля,
С нами Ленина не стало –
Стойкий Сталин у руля.

Приходи весна-красна,
Времечко весеннее,
Сталин партию ведет
По заветам Ленина⁴.

Однако следует отметить, что в приветствиях начала 1930-х гг. постоянно воспроизводилась формула «Да здравствует большевистская партия, ее ЦК и товарищ Сталин!»⁵. Эта фраза, воспринимаемая теперь исключительно как пропагандистское клише, в той исторической ситуации отражала реальное положение дел: И. Сталин не имел абсолютной власти и авторитета. О. В. Хлевнюк, изучавший взаимоотношения между членами Политбюро, отмечает, что в первой половине 1930-х гг. каждый из них считал неприкосновенным свое право поощрять и наказывать своих подчиненных, не допуская вмешательства посторонних контролеров, воспринимая как личное оскорбление критику в адрес своего ведомства. Г. Орджоникидзе, А. Микоян, В. Куйбышев и другие использовали в качестве средства достижения цели угрозу отставки. И. Сталин оставался в это время для своих ближайших соратников «старшим братом», с которым, несмотря на уважение, можно было ссориться⁶.

Тем не менее уже в эти годы, выступая арбитром в многочисленных спорах между членами Политбюро и сторонниками разных оппозиций, Сталин создавал себе имидж политика, осознающего

ответственность за единство ВКП(б) и ее руководства. В частности, поведение Г. Орджоникидзе он неоднократно характеризовал как антипартийное, утверждая, что «Серго не дает себе отчета в опасности такой позиции». Сталин внушал своим соратникам, что его власть, как и руководство В. И. Ленина в прежние годы, является необходимым условием победы. И. Сталин избрал правильную тактику, придавая принципиальное значение даже второстепенным вопросам, стараясь обосновать свою точку зрения теоретически, доказывая другим членам Политбюро и партии способность видеть в проблеме то, что они не замечают⁷. Благодаря такой тактике, Сталин в отличие от интеллектуалов и революционных романтиков «ленинской гвардии», продолжавших дискуссии, был более близок массам. Для большинства людей, обладавших лишь элементарной грамотностью, были непонятны абстрактные рассуждения – они вызывали раздражение, казались препятствием на пути решения насущных проблем. Именно по этой причине люди считали более приемлемой власть одного авторитетного лидера⁸.

Эволюция образа И. Сталина в сознании советских людей отразилась в посланиях, направляемых в Президиум ЦИК СССР с просьбой наградить лидера государства. Эти документы, имевшие аналогичное значение, но написанные в разные годы, очень отличались по стилистике и аргументации. Например, в своей телеграмме делегаты X Уральской областной конференции ВКП(б) мотивировали свое обращение таким образом: «Отмечая исключительную роль товарища Сталина как руководителя партии рабочего класса, конференция констатирует, что с именем товарища Сталина неразрывно связаны успехи партии и рабочего класса на всех фронтах социалистического наступления. Товарищ Сталин в годы гражданской войны – стойкий, ответственный руководитель Красной армии, одержавшей победу в борьбе с классовым врагом пролетариата – капитализмом. Товарищ Сталин – лучший последователь, ученик Ленина, стойкий большевик, борец за коммунизм, твердо осуществляющий заветы Ильича»⁹.

Автор письма о награждении И. Сталина орденами Ленина и Красной Звезды, направленного М. И. Калинину в 1937 г. из Челябинска, в качестве аргументов использовал достижения советской страны за последние годы и подчеркивал, что «...эти заслуги

принадлежат нашей Коммунистической партии и ее гениальному вождю, дорогому, любимому другу и отцу – товарищу И. В. Сталину». Далее им были перечислены самые убедительные, с его точки зрения, аргументы для награждения Сталина: «... Он неуклонно боролся с оппортунистами, он направлял научную мысль, он наметил маршруты героям-летчикам, совершившим славный беспосадочный перелет на 10 тыс. км, он вдохновлял стахановцев промышленности, транспорта и сельского хозяйства, он живет жизнью всего трудового населения Советского Союза»¹⁰.

Миф о И. Сталине как наследнике В. И. Ленина постепенно утратил приоритетное значение: порой лишь напоминания об этом звучали в неформальном названии ВКП(б) – «партия Ленина – Сталина» и иногда – в устном народном творчестве. Иллюстрацией к сказанному может служить легенда о встрече В. И. Ленина и солдат, ранее получавших от него советы по телефону. Солдаты спросили, как Ильич мог разговаривать с ними, если «лекари» не разрешали ему вставать с постели. В. И. Ленин ответил: «Я Сталина просил с вами поговорить». Услышав это, солдаты поняли: «Дело едино, слово едино. Сталинская речь, видать, не расходится с ленинской»¹¹. Эта легенда и подобные ей, видимо, должны были поддерживать существование данного мифа, но актуальными являлись уже совсем другие аспекты.

О новом образе вождя свидетельствовали иные, чем прежде, риторические приемы, в той или иной степени отражавшие изменения представлений людей. Во-первых, в обращениях к И. Сталину, за редким исключением, больше не звучала фраза о преемственности: «достойный ученик» стал «учителем». Именно так называли его соратники, члены партии и «простые» советские люди. Далее следовали другие эпитеты: «великий вождь», «мудрый кормчий», «друг трудящихся всего мира»¹². Весьма убедительно изменение образа вождя отражено в выступлении молодого машиниста, стахановца-орденоносца Пиликина (Пермская железная дорога): «В 1917 г. на арене земного шара показался локомотив... пролетарской революции. Этому локомотиву предстоял трудный путь. Локомотив встречал на своем пути крутые уклоны, локомотив встречал на своем пути крутые подъемы. Этому локомотиву разбирали рельсы, устраивали крушения. Но этого не произошло.

Почему? Кто так бдительно ведет локомотив вперед к новым победам? Это – наша коммунистическая партия во главе с любимым вождем Сталиным. Это лучший машинист локомотива революции»¹³. Данный эпизод иллюстрирует характерную черту политической культуры советских людей – стремление к идентификации вождя с социально-профессиональной группой, к которой принадлежит говорящий. Представители разных профессий подчеркивали свою связь с вождем, используя метафоры. Так, например, обратились к И. Сталину архитекторы – участники Всесоюзного совещания, проходившего 9 октября 1934 г.: «Мы, архитекторы СССР... приветствуем Вас, первого архитектора и строителя нашей социалистической Родины...»¹⁴ Особенно это было свойственно лидерам стахановцев: они называли И. Сталина не только «организатором и вдохновителем» их движения, но и «лучшим стахановцем»¹⁵.

С развитием стахановского движения в стране официальная пропаганда была обновлена идеологемой о единстве его лидеров и Сталина. Однако источники свидетельствуют, что это взаимодействие являлось реальным. Очень убедительно подобные настроения выражены в словах одного из делегатов I слета стахановцев Свердловской области (25 ноября, 1935): «Товарищ Сталин является первым стахановцем, а стахановцы являются сталинцами». Присутствовавшие на праздновании 18-й годовщины Октябрьской революции и на Всесоюзном слете стахановцев уральцы, рассказывая о своих впечатлениях от экскурсии по Москве, от посещения канала «Москва – Волга» и Большого театра, от парада Красной армии и от встреч с М. Калининым, Л. Кагановичем, Г. Орджоникидзе и другими членами ЦК, подчеркивали тем не менее особую значимость для них речи И. Сталина. Каждый отметил эмоциональность атмосферы при встрече делегатов с руководителем страны, но более выразительным является такое свидетельство: «...Почти полчаса не давали Сталину произнести ни одного слова. Напрасно товарищ Сталин показывал на часы, напрасно обращался к президиуму (в том числе и к С. Орджоникидзе) прекратить это. Только пение “Интернационала” помогло успокоить участников совещания»¹⁶. Писатель И. Эренбург, присутствовавший на одном из заседаний, вспоминал, что при появлении в зале И. Сталина и членов Политбюро «все встали и начали неистово аплодировать»:

«Это продолжалось долго, может быть, 10 или 15 минут. Когда аплодисменты начали притихать, кто-то крикнул: “Великому Сталину – ура!” и все началось с начала. Наконец все сели и тогда раздался отчаянный женский выкрик: “Сталину слава!” Мы вскочили и снова зааплодировали»¹⁷.

В других выступлениях можно найти объяснение причин такого отношения стахановцев к вождю. Первая причина – в умении просто и доступно излагать мысли; другая – в признании лидером партии их высокого социального статуса и значимости их опыта: «Сталин говорил очень хорошо. Нам было все понятно. Товарищ Сталин сказал, что руководители партии и правительства не только должны учить рабочих, но и учиться у них: “Мы научились многому у вас, стахановцев”»¹⁸. Этот эпизод свидетельствует об умении вождя воздействовать на сознание людей, используя «их язык», формируя «правильные» представления о взаимоотношениях власти и передовых рабочих, создавая, таким образом, иллюзию единства и политической значимости движения.

В письмах и устных заявлениях люди наглядно демонстрировали представление об иерархии в верховных структурах верховной власти (может быть, иногда не осознавая этого). Неоспоримо, что общим было мнение об особой политической роли И. Сталина. Именно ему писали после многолетних исканий справедливости и безрезультатных обращений в инстанции разных уровней: «Мы вынуждены, спустя 3 года, не получая на свои жалобы ответа и зная, что Вы, которого мы любим и уважаем, только Вы один можете сделать нас счастливыми...»¹⁹ Именно И. Сталин в перипетиях политической жизни 1930-х гг. воспринимался как высший авторитет, как символ коммунистической стойкости и убежденности. Очень показателен случай, описанный в докладной записке, направленной из особого отдела УрГУ в Управление НКВД о партийном собрании на историческом факультете 21 ноября 1939 г. Это собрание было посвящено экстраординарному событию – студенты факультета выдвинули (в противовес парткому) свою кандидатуру на выборы. Комсорг З. И. Донец от имени студентов заявил секретарю: «...вовсе не означает, что если вы утверждены ЦК, то мы должны вам целиком верить. Мы знаем, что в ЦК были враги народа. Для меня авторитет только товарищ Сталин»²⁰. Убе-

дительность этим иллюстрациям придают статистические материалы о письмах и заявлениях, поступивших в Комиссию партийного контроля ЦК ВКП(б) от исключенных коммунистов. Так, в 1938 г. Центральному Комитету было адресовано 17 753 обращения, в то время как авторы большинства писем – 32 700 – направляли свои прошения лично И. Сталину²¹.

Особенно широкое распространение имел миф о чуткости И. Сталина к проблемам и трудностям жизни простых людей. Весьма показателен такой пример, лишь незначительно отличающийся от многих подобных. Обращаясь к М. И. Калинину с просьбой о предоставлении избирательных прав, дочь спецпоселенца написала: «Михаил Иванович! В широких слоях населения рабочих и крестьян (колхозников и единоличников) Ваше имя известно как самого чуткого, внимательного человека (исключая великого Сталина) из всех вождей народов всех времен»²². Признание особой роли И. Сталина в жизни отдельных трудовых коллективов являлось обязательной константой выступлений на различных конференциях и на митингах, особенно по случаю торжественного открытия предприятий. Характерным примером можно считать речь директора Пермского авиамоторного завода. Называя с гордостью свой завод «лучшим в мире», он сказал: «...Каждый рабочий нашего завода знает, с каким вниманием, с какой заботой следит за развитием и успехами нашего завода товарищ Сталин»²³.

С 1936 г. важнейшей составляющей нового образа И. Сталина следует считать роль создателя новой Конституции, которую называли «историческим документом», «Конституцией победившего социализма». Современники признавали, что при обсуждении проекта все их мысли и чувства были обращены к автору Конституции – «великому Сталину». Многие предлагали в название этого документа внести определение «сталинская»²⁴. В материалах Пермской окружной избирательной комиссии, как и в других документах, во время выборов депутатов в Верховный Совет СССР (1937) И. Сталин назван «творцом новой Конституции»²⁵. Граждане Челябинского избирательного округа, обращаясь к «вождю и учителю» с просьбой быть их депутатом, именовали его «гениальным творцом Конституции»²⁶.

Во второй половине 1930-х гг., когда закончились теоретические дискуссии и началась практическая работа, неотъемлемой чертой образа вождя стала его роль как гаранта успешного развития страны и счастливой жизни людей. Поэтому в официальных сообщениях и речи людей появились новые, легко воспринимаемые клише: Сталина называли «организатором социалистического строительства», под руководством которого «страна превратилась из нищей и отсталой в передовую и могучую»; именно ему удалось «обеспечить радостную жизнь народам советского государства»²⁷. Таким образом, в официальной идеологии и в представлениях людей все достижения народа ассоциировались с именем вождя. Весьма показательны в этом отношении слова одного из делегатов I слета стахановцев Свердловской области. Имитируя диалог, он произнес: «Почему молодежь беззаветно любит товарища Сталина? – Она ему обязана своим счастливым настоящим»²⁸.

Однако наиболее значимым для каждого отдельного человека являлось чувство доверительных отношений и личностной связи с вождем. Эти настроения отразились в частом использовании при упоминании имени Сталина таких эпитетов, как «наш любимый», «дорогой», «родной». Весьма показательны обращения к нему как к отцу, а иногда даже на «ты», не только в частных, но и коллективных посланиях²⁹. Типичными являлись обращения, в которых И. Сталина называли человеком, заботящимся «о мелочах жизни трудящихся» и поэтому ставшим «близким и родным» каждому: «Сталин есть наша плоть, наше сердце, наша любовь и гордость. Этим сознанием проникнуты все трудящиеся нашей страны, которые любят Сталина... Всем нам – рабочим, ученым, инженерам – нет любимее и дороже человека, чем Сталин»³⁰.

В 1930-е гг. возникла традиция демонстрации единства центральной власти и народа – самые важные решения ЦК ВКП(б) и советского правительства люди обсуждали, выражая одобрение и поддержку. Для этого во всех городах и селениях проводились митинги. Выступления коммунистических лидеров изучали по газетам или слушали по радио, собираясь во дворцах культуры, клубах, красных уголках и на квартирах у тех, кто имел радиоприемники. По случаю проведения партийных форумов и съездов

Советов, в дни юбилеев вождей от имени коммунистов и трудящихся края в столицу направлялись приветственные телеграммы и рапорты о трудовых победах. Необходимо подчеркнуть, что во всех обращениях непременно называлось имя И. Сталина.

Особенно информативны для исследования образа вождя коллективные письма-ответы на выступления лидера Советского государства, поскольку их риторика сочетала и стереотипы официальной пропаганды, и элементы политического мифа, создаваемого народом. Письма, являвшиеся неотъемлемой частью ритуала и содержавшие в своей основе идеологические клише, тем не менее отличались по стилистике и особенно – по набору эпитетов, необходимых при упоминании главного символа верховной власти. Своеобразие стиля и характер лексики позволяют определить коллективных авторов таких посланий, принадлежавших к разным социальным и профессиональным группам. Однако при всех видимых различиях такие письма-ответы, как правило, имели обязательные содержательные и «структурные» составляющие: признание правильности политики партии и государства; клятву верности и преданности делу строительства социализма; выражение готовности к новым трудовым подвигам и свершениям; отклик на критические замечания вождя и конкретные обязательства, обещания ликвидировать имеющиеся недостатки. В конце письма обычно, согласно принятым и признаваемым «правилам игры», содержались инварианты советских здравниц в честь вождя: «Да здравствует Коммунистическая партия и наш дорогой вождь товарищ Сталин!...»

Письма отражали убежденность советских людей в исключительной роли И. Сталина во всех исторических событиях. Согласно их представлениям, даже слова вождя имели особую магическую силу, влияли на чувства и настроения. Так, например, передовики Карабашского медеплавильного завода в своем ответе на выступление И. Сталина на Всесоюзном слете стахановцев, согласившись с его критикой в свой адрес о слабом развитии в Уральском регионе стахановского движения, написали: «Речь Сталина о стахановцах, его забота о трудовом рабочем человеке вливают в нас силы, придают нам бодрости и уверенности в нашей работе...»

По их словам, под воздействием этой речи рабочие завода смогли изменить ситуацию: «Призыв товарища Сталина к овладению техникой и переходу на стахановские методы работы дал нам возможность перевыполнить годовую программу по золоту и серебру к 1 ноября... Ремонт металлургических печей проведен в рекордные сроки»³¹.

Однако в некоторых документах представлен иной образ вождя – люди осуждали жестокость, безразличие и бессмысленность многих мероприятий, проведенных под его руководством. Об этих чертах, характерных для И. Сталина, писали в открытых заявлениях и анонимных посланиях, рассказывали анекдоты³². Даже в первой половине 1930-х гг. идея о преемственности трактовалась людьми далеко неоднозначно. Некоторые, как и автор частушки, имевшей множество вариантов, принципиально не изменявших ее содержание, оценивали деятельность обоих руководителей только отрицательно:

Когда Ленин умирал,
Сталину наказывал:
«Крошки хлеба не давай,
Картошки не показывай»³³.

Мнения других, считавших, что И. Сталин предал идеалы Октябрьской революции и провел ревизию учения К. Маркса и В. Ленина, известны по листовкам, изъятым ОГПУ и НКВД на уральских заводах, по анонимным письмам и косвенным свидетельствам³⁴.

Во второй половине 1930-х гг. стало очевидным изменение значимости этой составляющей в образе И. Сталина, хотя очень часто произвол власти и трудности жизни воспринимались многими людьми как свидетельства забвения заветов В. И. Ленина, который, по их мнению, искренне заботился о народе. Критикуя мероприятия ВКП(б), отказываясь признавать И. Сталина вождем, такие люди идеализировали первого руководителя советского государства и политических лидеров, пытавшихся – по народным представлениям – противостоять И. Сталину. Например, настроения многих крестьян выразила в своем письме К. Ф. Шостакова из колхоза «Урал»: «Я часто вспоминаю Ленина – какой он добрый был для нас, крестьян. В те годы были сыты все, не было

голодных. Рано помер Ленин. Теперь нам, бедным вдовам, хуже того порядка, что был до революции»³⁵.

Особенно трудно было смириться с реальностью участникам Гражданской войны, в 1918–1920 гг. защищавшим идеалы революции с оружием в руках: они открыто осуждали И. Сталина, а порой откровенно говорили о чувстве ненависти к нему, не боясь последствий. Так, например, А. Л. Назукин, считавший делом своей жизни защиту советской власти, в знак протеста бросил в огонь паспорт, орден Красного Знамени и изорвал портреты И. Сталина, за что был приговорен к расстрелу³⁶. Архивные документы свидетельствуют, что такие случаи не были единичными³⁷.

В одном из писем заключенный нижнетуринской тюрьмы П. С. Тихонов-Андреев, критикуя И. Сталина, обратился к историческим аналогиям и назвал его «учителем иезуитов»³⁸. Автор листовки «Великий русский народ» использовал для характеристики И. Сталина не только традиционное понятие «тиран», но и придумал собственное оригинальное обозначение – «новый монарх». В его представлении это понятие символизировало абсолютную власть одного человека и отсутствие демократии³⁹.

Эмоциональное осуждение антинародной политики И. Сталина с особой экспрессией выражалось в анекдотах, сочинение и пересказ которых наказывались жестоко, включая расстрел (вероятно, по причине абсолютного соответствия исторической реальности). Не имея возможности протестовать открыто, люди выражали в них свои чаяния о возможной смерти И. Сталина. В одном из анекдотов рассказывалось о том, как однажды Сталин «купался, поднялась буря, и он стал тонуть. В это время по берегу шли три колхозника, и один из них бросился спасать тонущего человека. Благодарный Сталин заговорил о награде, но колхозник просил не делать этого и даже никому не говорить: “Если кто-то узнает об этом, меня убьют”»⁴⁰. Сюжет другого анекдота – беседа И. Сталина, прогуливавшегося по Кремлевской стене, со случайным прохожим на тему: «Что считать несчастьем, а что – несчастным случаем». На этот вопрос вождя собеседник ответил: «Вот если бы Вы, Иосиф Виссарионович, теперь упали и разбились – это был бы несчастный случай; а если Вы упадете и не разобьетесь – это будет несчастье»⁴¹.

В представлениях советских людей существовал миф об отсутствии у И. Сталина информации о реальном положении дел в разных городах и селениях Уральского региона, который нашел отражение в письмах и других источниках. Так, студент горно-металлургического техникума М. Коряков (Нижний Тагил) обратился в ЦК ВКП(б) с искренним желанием рассказать правду: «Т[оварищ]. Сталин, я решил написать это письмо, чтобы Вы ясными глазами увидели суть дела. Я буду говорить только о Свердловской области... Вы не слышали, что говорят рабочие пролетарии, у которых руки не сгибаются для того, чтобы взять карандаш! Вы не знаете, как живет рабочий (простой рабочий) Тагила... Т[оварищ]. Сталин! В газетах почти ничего не пишется о нуждах рабочего»⁴². Высказывали советские люди просьбы и претензии по поводу незаинтересованности И. Сталина в получении сведений о жизни народа. В частности, рабочий Костров обвинил в своем письме советского лидера в том, что он не выезжает из Кремля: «...у нас в РСФСР есть такие укромные места, куда ты отроду не бывал»⁴³.

Интересная интерпретация мифа об информационном барьере представлена в легенде «Христос у Сталина», несколько экземпляров которой были изъяты при обыске квартиры П. М. Башкирцева (Новая Ляля, Свердловская обл.). Автор этой легенды устами Христа, преодолевшего множество препятствий и попавшего на прием к И. Сталину, рассказал о случаях произвола при раскулачивании, о злоупотреблениях в период коллективизации, о бесчеловечности активистов и чиновников, обрекающих на голод и смерть беззащитных людей (вдов, сирот, инвалидов). Христос, заметив, что «много еще можно таких фактов привести», убеждал вождя: «Не надо, товарищ Сталин, огораживать себя кремлевскими стенами и отделяться от живой массы... Надо знать и видеть, как страдает народ, и прийти к нему на помощь»⁴⁴. Люди искренне верили, что И. Сталину неизвестно также о массовых арестах и произволе местных сотрудников НКВД. Это мнение представлено в ходатайствах о пересмотре решений судебных дел и в воспоминаниях. Например, М. Шангин, арестованный в 17 лет после нескольких дней работы в районной газете «Сталинский путь», вспоминая те

годы, отметил, что даже в заключении, опасаясь агентов, боялись быть искренними: «Не боялись только вслух выражать надежду: “Вот узнает об этом Сталин, и нас выпустят на волю!” И до конца 1939 г. ждали, верили “отцу”...»⁴⁵.

Коммунисты и простые люди, пытаясь осмыслить трудные для их понимания политические дискуссии и проводившиеся вслед за ними репрессии против лидеров партии и советского государства, порой делали выводы об ответственности за эту ситуацию И. Сталина. По этой причине в 1930-е гг. в сознании советских людей сохранялся, приобретая новые образы, миф о «спасителях» и «избавителях», имеющий в России давние традиции⁴⁶. На Урале легенды и предания о «мстителях» и «народных заступниках» являлись важнейшей частью фольклора с XVIII в. С тех времен были широко распространены и передавались из поколения в поколение рассказы о «добрых, хороших начальниках» и «справедливых» царских администраторах⁴⁷. Многие из таких преданий записали участники этнографических экспедиций именно в 1930-е гг.⁴⁸ Вероятно, на основе традиционных мифов, отражавших в определенной мере иллюзии и ожидания рассказчиков и их современников, формировались представления о новых защитниках трудящихся.

Искренние сожаления о смерти руководителей, уважаемых и имевших авторитет, отражены в документах личного характера, не предназначавшихся для оглашения и являющихся поэтому неопровержимым историческим свидетельством. В частности, эмоциональное восприятие убийства С. М. Кирова попытался передать в стихах студент III курса горного института (Свердловск):

Случилось то, что не должно случиться.
Случилось то, во что поверить трудно миру –
От выстрела не стало сердце биться –
От выстрела погиб Сергей Миронович Киров⁴⁹.

Узнав о смерти Г. Орджоникидзе, студент Уральского индустриального института В. А. Ефимов сделал 19 февраля 1937 г. в своем дневнике такую запись: «... Из всех наркомов он был, безусловно, самый талантливый и хорошо знал людей... И вот его нет. Неуже-

ли ничего нельзя было предпринять для избежания такого конца?.. Жаль, бесконечно жаль Серго. Я сегодня очень расстроился и не могу ничего делать. Прощай, Серго»⁵⁰. Документы свидетельствуют, что известия о смерти известных людей удивляли и огорчали многих, но они лишь наивно констатировали такие факты. Так, например, жительница Каменска-Уральского М. Е. Надеина, сожалея о гибели В. Чкалова и вспомнив другие случаи, заметила: «Да что же это такое: что ни лучший человек, тот и умирает»⁵¹. Другие же утверждали, что все эти события связаны с личными интересами И. Сталина и его ближайших сторонников — с их желанием ликвидировать политических противников. Именно так оценили убийство С. М. Кирова инженер УЗТМ В. И. Игнатов, машинист железнодорожного отдела ЧТЗ Л. А. Кожевников и др. Мнение многих о том, что процесс «Объединенного центра» организован И. Сталиным для того, чтобы «убрать Г. Зиновьева», высказал электрик Тавдинского лесокombината П. И. Чирков. Желание И. Сталина избавиться от таких соперников, как Н. Бухарин и А. Рыков, многие считали очевидной причиной для проведения нового суда. В частности, медсестра О. И. Вольская (Нижняя Салда) заметила по этому поводу: «Два медведя в одной берлоге не живут»⁵².

Репрессии против известных политических деятелей актуализировали архаические представления о «народных заступниках». В агентурных донесениях и сводках НКВД отмечались разговоры о том, что Л. Троцкий, Н. Бухарин, М. Тухачевский, Я. Гамарник и др., преследуемые И. Сталиным руководители, боролись за интересы рабочего класса, хотели улучшить жизнь трудящихся⁵³. Такие представления были распространены и в других регионах Советского Союза. В частности, согласно информации, поступившей во ВЦИК в апреле 1938 г., С. И. Лапшин, житель Горьковской области, на собрании открыто заявил: «Люди, которых расстреливают в Москве, это — наши люди... за нас и погибли»⁵⁴. Сочувствуя жертвам И. Сталина, люди выражали надежду: «...Все равно всех не пересадят: этих расстреляют, другие на их месте за правду будут стоять...»⁵⁵

Тем не менее, несмотря на критические настроения некоторых, советские люди сохраняли веру в справедливость, мудрость

и заботу вождя. Этот феномен основывался на традиционном – патерналистском – восприятии лидера. В представлениях людей И. Сталин являлся символом идеальной власти, защищавшей их от произвола местных руководителей. Огромное значение имели и эмоционально-психологические факторы: в условиях социального напряжения и постоянных жизненных трудностей человек пытался найти поддержку, надеялся на возможность улучшения и гармонизации сложного, противоречивого жизненного мира. Образ вождя в определенной мере компенсировал отсутствовавшие в реальности упорядоченность и смысл существования.

¹ XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). М.; Л., 1930. С. 325.

² Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 8. Д. 9. Л. 23.

³ *Сталин И. В.* Соч. М., 1951. Т. 13. С. 105.

⁴ Государственный архив Свердловской области (далее ГАСО). Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 61. Л. 6; Д. 74. Л. 201.

⁵ *Правда.* 1931. № 166; 1932. № 24, 29, 279 и др.; 1933. № 112.

⁶ *Хлевнюк О. В.* Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-х гг. М., 1996. С. 79–80, 81–84, 94.

⁷ См.: Там же. С. 85, 94, 96–97.

⁸ См.: *Глебкин В. В.* Ритуал в советской культуре. М., 1996. С. 165.

⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 58. Л. 293.

¹⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 78. Оп. 1. Д. 583. Л. 20–22.

¹¹ ГАСО. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 120. Л. 412.

¹² РГАСПИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 757. Л. 101; Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 7522. Оп. 1. Д. 47. Л. 94; ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4177. Л. 4, 17, 33, 35, 52, 55; Д. 4345. Л. 179.

¹³ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4345. Л. 179.

¹⁴ *Паперный В.* Культура Два. М., 1996. С. 135.

¹⁵ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4177. Л. 5, 131.

¹⁶ Там же. Л. 19–21, 54, 112, 172.

¹⁷ *Эренбург И.* Собр. соч. М., 1967. Т. 9. С. 84–85.

¹⁸ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4177. Л. 21.

¹⁹ Государственный архив административных органов Свердловской области (далее ГААОСО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 20770. Л. 58.

²⁰ Там же. Д. 15800. Л. 45–57.

²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 541. Л. 20.

²² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 8. Д. 174. Л. 4–5; Оп. 1. Д. 4374. Л. 41.

²³ Там же. Оп. 1. Д. 4177. Л. 27.

- ²⁴ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4374. Л. 307; Д. 4345. Л. 165.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 7522. Оп. 1. Д. 47. Л. 94; Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4374. Л. 339.
- ²⁶ Там же. Д. 208. Л. 102.
- ²⁷ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 208. Л. 102; Д. 47. Л. 94.
- ²⁸ Там же. Д. 4177. Л. 187–188.
- ²⁹ Там же. Д. 4345. Л. 341, 417; Д. 4177. Л. 4, 53, 55, 58, 123, 133.
- ³⁰ Там же. Л. 167–168.
- ³¹ Российский государственный архив экономики. Ф. 8034. Оп. 1. Д. 840. Л. 13–14.
- ³² ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 38518. Л. 62, 84; Д. 17921. Л. 15.
- ³³ ГАСО. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 153. Л. 109.
- ³⁴ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 103. Л. 83, 86; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 61. Л. 9–10, 95.
- ³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 232. Л. 81.
- ³⁶ Государственный архив по делам политических репрессий Пермской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12945. Л. 46, 151, 183, 185.
- ³⁷ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 16905.
- ³⁸ Там же. Д. 38029. Л. 6 об.
- ³⁹ Там же. Д. 32329. Л. 118.
- ⁴⁰ Там же. Д. 16991. Л. 18.
- ⁴¹ Там же. Д. 20880. Л. 96.
- ⁴² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 21. Д. 98. Л. 8–10. За это письмо, названное «ложным», М. Коряков был исключен из комсомола и отчислен из техникума.
- ⁴³ Урал: XX век. Екатеринбург, 1997. С. 287.
- ⁴⁴ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17285. Л. 87–100.
- ⁴⁵ Шангин М. Дороги // Завещание. Свердловск, 1989. С. 204.
- ⁴⁶ См.: Чистов В. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967.
- ⁴⁷ См.: Китайник М. Рассказы рабочего дореформенного Урала. Свердловск, 1953. С. 77–80; Лазарев А. Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск, 1970. С. 86; Побережников И. Народная монархическая концепция на Урале (XVIII – первая половина XIX в.) // Урал. ист. вестн. 1994. № 1. С. 30.
- ⁴⁸ См.: Дореволюционный фольклор на Урале. Свердловск, 1936; Тайные сказы рабочих Урала. М., 1941; и др.
- ⁴⁹ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 8024. Л. 109.
- ⁵⁰ Там же. Д. 20790. Т.1 (конверт).
- ⁵¹ ГАСО. Ф. Р-2266. Оп. 1. Д. 74. Л. 217.
- ⁵² ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 36399. Л. 9; Д. 22750. Л. 13; Д. 20880. Л. 45; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 61. Л. 9, 96, 102.
- ⁵³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 71. Д. 61. Л. 99; ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 20879. Л. 25.
- ⁵⁴ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 2128. Л. 35.
- ⁵⁵ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 36399. Л. 8 об.